

в городах, поработанных „этими варварами“. Султан, как следует из дальнейшего, весьма благосклонно принимает послов, выполняет просьбу императора, восстанавливает на патриаршем престоле Лазаря и т. д.¹

Прозвище византийского посла Мануила — *Σεργόπουλος* (Сергопул) не позволяет нам отождествить его с Мануилом изучаемой чаши, если понимать слово *πεπής* как фамилию; нельзя его также считать епископом, поскольку Кантакузин называет его гражданином (*ἐκ τῶν πολιτῶν*) города Византии. И все же сама собою напрашивается гипотеза — не мог ли быть этот посол Мануил тем лицом, для которого предназначалась чаша: и дата посольства (40-е годы XIV в.), и остальные условия дают основание для подобного предположения.

Настаивать на этой гипотезе, конечно, трудно, но предполагать возможность изготовления изученного в настоящей статье бронзового сосуда для какого-либо участника византийских посольств первой половины XIV в. представляется вполне вероятным.

Как видно из предшествующего изложения, изучение египетской чаши с греческой надписью позволяет поставить ряд интересных вопросов, имеющих существенное значение для характеристики политических и культурных взаимоотношений Византии и Египта.

Внимательно присматриваясь к вещественным памятникам, как к документам эпохи, можно значительно полнее представить себе ход ряда исторических событий.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ А. В. БАНК „ВОСТОЧНЫЙ СОСУД С ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ“

Сосуд, изучению которого посвящена предшествующая статья, с первого взгляда производит впечатление обычного сиро-египетского тазика или чаши (*تاس* — *tac*) XIV в., с той лишь разницей, что в отличие от большинства таких же предметов, он богаче орнаментирован. В этом отношении изучаемый сосуд может быть поставлен в один ряд с группой богато орнаментированных тазиков, один из которых, принадлежащий Британскому музею, упомянут выше. Однако и в этой группе рассматриваемый тазик занимает особое положение. В убранстве сосудов можно отметить две отличительные черты: индивидуальные мотивы в орнаментах и инкрустацию не только серебром, но и золотом. Рассматриваемый же сосуд был инкрустирован одним лишь серебром, едва сохранившиеся следы которого можно разглядеть при внимательном осмотре покрывающих его узоров, в отношении же подбора сюжетов он не представляет ничего необычного. Поэтому, говоря о богатстве его убранства, мы имеем в виду только размеры орнаментированной на нем поверхности.

На подобных сосудах орнамент обычно покрывает с наружной стороны только борт и стенки, и с внутренней — середину дна. На рассматриваемом же экземпляре сверх того орнаментировано и все дно снаружи, так что на поверхности его не оставлено свободного места. Орнаменты, в число которых входят и надписи, ни в отношении художественности, ни по технике исполнения и мастерства ничего

¹ M. Canard. Une lettre du sultan Malik Nasir Hasan à Jean VI Cantacuzène. „Annales de l'Institut d'Etudes orientales“, Alger, 3, 1937, p. 27—52.

выдающегося не представляют. Ценность сосуда как исторического памятника заключается в его греческой надписи, которая ставит его в число немногих предметов явно мусульманского круга, являвшихся, однако, принадлежностью лиц христианского вероисповедания, а в данном случае, — как разъясняется выше, — возможно также и лица духовного сана.

Если поверхностный осмотр сосуда не выявляет особых отличительных черт, то более детальное рассмотрение может помочь выяснению некоторых обстоятельств его возникновения.

Форма сосуда в этом отношении ничего дать не может: она настолько типична, что останавливаться на ней бесполезно. Рассмотрению подлежит только орнамент.

По борту сосуда, захватывая частью и верхний край стенки, тянется обычная на подобных предметах замкнутая ветвь, с расходящимися в обе стороны попарно расположенными листьями. Под нею широкий пояс, занимающий большую часть стенок. Он состоит как бы из шести звеньев замкнутой цепи, округлые края которых, не затянутые, а положенные свободно на соседние, образуют вместе с ними в местах сцепления шесть кругов, разделяющие пояс соответственно на шесть отрезков. В кругах размещены попеременно: или пережиточный мамлюкский геральдический мотив в виде шести летающих уток, или стилизованный куст. Отрезки пояса во всю высоту заполнены арабской надписью. Схема этого главного орнаментального пояса строго традиционна, и для составных частей ее можно привести многочисленные аналогии. На дне сосуда, снаружи, сложный рисунок из шести перекрывающих друг друга кругов образует подобие крупной розетки, фон которой заполнен растительными побегами, шестилепестковыми розетками и фигурами летающих уток, подобных тем, которые изображены в кругах широкого пояса на стенках. Как в схеме рисунка (круги), так и в количестве их (шесть) соблюдена традиция, в заполняющих же фон деталях орнамента нет ничего, что выходило бы из круга обычных мотивов на подобных сосудах. Наконец, на внутренней стороне дна, — обычные фигуры плавающих рыб, от которых сохранились лишь контуры, без каких-либо следов несомненно существовавшей инкрустации из серебра.

Таким образом, все рассмотренные орнаменты и способ их размещения на сосуде являются самыми обычными и соответствующими выработавшейся традиции. Остается лишь поясок на расширенной части сосуда, на сгибе, который служит переходом от стенок ко дну. Согласно традиции, он должен представлять сплошную ленту, или — состоять (так же, как и расположенный над ним широкий пояс) из подобия шести звеньев замкнутой цепи, образующих в местах сцепления шесть соразмерных им кружков. На самом деле поясок представляет сплошную ленту, в которую вписано четыре кружка, диаметр которых таким образом оказался меньше общей высоты пояса. Этим нарушена не только обычная схема пояска, но и общая композиция орнаментов, схема которых на стенках и на дне сосуда кратна шести. Кружки в пояске расставлены симметрично, поэтому положение их не на месте в отношении общей композиции орнаментов резко бросается в глаза. В двух случаях они оказываются правее ближайших к ним кругов верхнего пояса, в двух остальных — левее, и при этом не на равном расстоянии.

Причина столь необычной схемы пояска становится понятной, как только мы обратимся к греческой надписи. Несмотря на то, что эта

надпись состоит из трех слов, она разделена на две совершенно равные в отношении количества знаков части, так что даже имя-владельца *Махуу'л* оказалось разделенным пополам. Помещена надпись в двух диаметрально противоположных отрезках пояса, которые замыкаются упомянутыми уже четырьмя кружками. Здесь сказался прием нанесения надписей, несвойственный греческим мастерам, но совершенно обязательный в арабской эпиграфике на средневековых изделиях, в частности на сиро-египетских бронзовых изделиях XIV в. Надписи на последних вписываются в готовую орнаментальную схему занимаемых ими поясов и располагаются в них равномерно, в строгой симметрии. В подавляющем большинстве случаев надписи оказываются разбитыми на отдельные отрезки пояса, разделенные друг от друга кругами, что неизменно влечет за собою и членение слов. Части слов, не уместяющихся полностью в одном отрезке пояса, переносятся по необходимости в следующий. В зависимости от того, сколько места по схеме орнамента оставлено для надписи, последняя может быть короче или длиннее. Этим и объясняется, что на совершенно однотипных предметах, несущих на себе имя одного и того же владельца, титулатура последнего может быть в одном случае более полной, в другом — более сокращенной. Когда же в арабских надписях встречаются стихи, то они часто, как и на данном предмете (о чем речь будет ниже), оказываются недописанными.

Мастер, привыкший располагать надписи на поверхности сосудов равномерно, не мог допустить, чтобы греческая надпись помещалась на одной лишь стороне тазика, и разбил ее на две части. Если бы размеры надписи разрешали это, он разделил бы ее на шесть отрезков и сохранил бы единство композиции. Почему он не расчленил надпись на три части, по одному слову в каждой, что больше бы гармонизировало со всей орнаментацией, — для нас остается непонятным. Но, вписав надпись, мастер не мог не замкнуть отрезки ее кружками, согласно существовавшему у арабских ремесленников обыкновению. Поэтому кружки оказались вписанными в пояс, представлявший первоначально сплошную ленту, и помещены не на тех местах, где им надлежало бы быть, если бы пояс представлял собой замкнутую цепь. Из этого следует, что кружки первоначально не входили в намерения мастера. Вписав кружки, мастер изобразил в них обычную шестилепестковую розетку, подобную той, которая повторена в кругах на наружной стороне дна. Однако потом он загладил этот рисунок и заменил розетки равноконечным крестом. Следы первоначальной розетки легко прослеживаются при внимательном разглядывании кружков; об этом особенно ясно можно судить по сердцевине розетки, совершенно неуместной на перекладине креста и перекрытой, так же как и лепестки, новым рисунком (рис. 14). При перекрытии одного рисунка другим мастеру пришлось больше углубиться в металл. Этим и объясняется то, что кружки с крестом так резко бросаются в глаза не только необычностью, но и резкостью своего изображения.

Предположение, что замена одного изображения другим могла быть произведена в более позднее время, вовсе отпадает, так как при нанесении пунктира на кресте был использован тот же пуансон, которым пользовались при исполнении листьев на борту сосуда и розеток на его дне. То обстоятельство, что обычное изображение розетки было заменено необычным и в своем роде единственным изображением креста, свидетельствует о том, что последнее не было

результатом случайного выбора — оно связано с личностью владельца предмета. Крест в кружках не оставляет сомнения в том, что владелец предмета исповедывал христианскую веру.

В связи с тем, что имя владельца упоминается только в греческой надписи, может возникнуть предположение, что последняя была нанесена позднее на вполне законченный уже сосуд. Однако и это предположение отпадает, как только мы обращаемся к технике исполнения орнаментов. В этом отношении греческая надпись ничем не отличается от остальных орнаментов. Она исполнена на обычном для таких поясков растительном фоне, который в качестве самостоятельного орнамента повторяется и в двух остающихся отрезках пояска. Хотя подобно всем арабским надписям на бронзовых изделиях и, в частности, подобно надписи на стенках рассматриваемого сосуда, греческая надпись изобразительно как бы наложена на растительный фон, — тем не менее, даже тщательное рассмотрение не обнаруживает позднейшего перекрытия растительного орнамента надписью. Таким образом, надпись и растительный фон выполнены одновременно. Надпись не оставляет сомнения в том, что исполнивший ее мастер не был знаком с греческим письмом. Об этом свидетельствуют как общий характер надписи, так и несоразмерность ее знаков, — некоторые из них непомерно увеличены. Если бы последние два знака в обеих половинах надписи не были слиты в лигатуру, можно было бы предположить, что надпись намеренно была растянута, чтоб заполнить отведенные для нее отрезки пояска. Если бы надпись была нанесена позднее на вполне законченный сосуд, то нужно полагать, что это было бы поручено более искусственному в греческом письме человеку.

Выше мы отмечали типичность рассматриваемого сосуда в отношении его формы и орнаментов. Если принять во внимание, что в состав последних входит пережиточный, как отмечалось, геральдический мотив, указывающий на какую-то связь сосуда с мамлюкским родом, и что арабская надпись, как увидим ниже, содержит стихи, обращенные к некоему властителю, то станет совершенно очевидным, что сосуд был сделан или в придворных мастерских или в частных мастерских, обслуживавших потребности мамлюкского двора.

В ходе наших рассуждений мы пришли к заключению, что в сосуд, до выхода его из мастерской, были внесены изменения в виде четырехкратно повторенного креста. Чем объяснить эти изменения? — Дело представляется следующим образом.

При мамлюкском дворе возник вопрос о преподнесении лицу христианского вероисповедания приличествующего подарка, причем дело это не терпело особых отлагательств. Выбор пал на почти законченный обработкой сосуд, имевший те преимущества, что он был достаточно наряден и в то же время не имел персонального назначения (иначе имя и титул будущего владельца занимали бы на нем подобающее им место). Повидимому, на сосуде, когда он был избран для подарка, оставался не орнаментированным только поясок, который и был использован для вписания в него греческой надписи с именем одаряемого.

Начертав эту надпись, мастер ограничил занимаемые ею отрезки пояска обычными в таких случаях кружками с розетками, будучи вынужден, как указывалось выше, вписать их в готовую уже схему сплошного пояска. Однако потом ему пришлось, по требованию заказчика, т. е. двора, заменить в кружках розетку крестом, перекрыв прежнее изображение новым.

Предполагать, что сосуд с самого начала был задуман в том виде, в каком вышел из мастерской, нет оснований. Если бы дело обсто-яло таким образом, то схема пояса на сгибе сосуда не была бы так грубо нарушена и орнамент в кружках не оказался бы замененным в ходе работы изображением креста. Между тем, эти обстоятельства свидетельствуют также и о поспешности, с которой выполнялся заказ.

Выбор подарка указывает на высокое положение лица, которому он был преподнесен. Подобные предметы предназначались либо для мамлюкского двора непосредственно, либо для приближенных к нему лиц высоких рангов. Сосуд с геральдическим мотивом правящего рода и со стихами, обращенными к властителю, не мог быть препод-несен иноземцу и иноверцу, не пользовавшемуся достаточно высоким положением. Поэтому владелец сосуда не мог не быть носителем высокого звания. Если личность этого владельца остается для нас неизвестной, то определение времени его деятельности не представ-ляет трудностей. Отмеченные выше орнаментальные мотивы с пере-житочным геральдическим знаком, техника их выполнения, в известной степени также и характер арабской надписи, могут служить достаточ-ным основанием отнести сосуд к периоду царствования Мелика ан-Насира, или несколько позднее, точнее ко второй четверти XIV в.

Арабская надпись представляет отрывок (неполных две строки) благожелательного поэтического произведения, который встречается в том же или более полном виде (в три строки) и на других бронзо-вых сиро-египетских сосудах мусульманского круга, относящихся в основном к XIV в. Наиболее полную форму отрывка с небольшими расхождениями приводит М. Ланчи¹ и такую же форму мы встречаем на неизданных пока бронзовых предметах Эрмитажного собрания. Тот же Ланчи приводит и более краткий вариант, равный отрывку на рас-сматриваемом нами сосуде². Этот же вариант мы находим и у Лэн-Пуля, у которого однако стихи стоят не в том порядке, в каком они помещены на рассматриваемом сосуде³. Между тем, начертание над-писи на последнем исключает иной порядок чтения, что подтверждается также отсутствием во второй строке рифмующего окончания, которое ниже восстанавливается. В таком чтении стихи приобретают по смыслу больше последовательности.

Текст:

لا زلت يا مالكي ما دمت في دعة * وانت من كل هم خالي البالي
ولا برحت مدا الايام في سعة * بانعم و مسرات [و افضالي]

Перевод:

Да не прекратишь ты, ^о мой Властитель, пребывать в покое, бу-
дучи свободным от всяких забот,
И да не перестанешь ты на протяжении всех дней (своих) жить в до-
вольстве, при милостях, радостях [и изобилии]...

¹ M. Lanci. Trattato delle simboliche rappresentanze arabiche e della varia gene-
ratione de Musulmani caratteri, II, Parigi, 1846, p. 93. كلمة من مائة

² Ibid., p. 110, 207.

³ St. Lane-Poole. The Art of the Saracens in Egypt, London, 1886, p. 193.